

Александр
Шувалов

**Некто
по имени
Никто**

Александр Шувалов

Некто по имени Никто

<https://litres.ru/74606579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Порой для спасения операции приходится кем-то жертвовать. Главный герой пожертвовал собой и угодил в тюрьму в одной из стран Скандинавии. По возвращении на Родину с удивлением понял, что его собираются списать. В смысле, удалить из списков живых. Для того, чтобы выжить, ему придется выяснить, кто его заказал, за что. И познакомиться с собственным отцом.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Книга первая. Покойник, который любил вязать крючком.	9
Глава первая. Выходной. Пуговицы в ряд.	10
Глава вторая. Ода к радости в ля минор.	14
Глава третья. В старом альбоме найдут порнографию.	17
Глава четвёртая. Была мне нелюбимая, а стала...	23
Глава пятая. Опять скрипит потёртое седло.	28
Глава шестая. На подвиг отчизна зовёт.	32
Глава седьмая. Мышеловка, вид изнутри.	40
Глава восьмая. Разбор полётов.	46
Глава девятая. Ты вахты до срока не смеешь бросать...	51
Глава десятая. Под крышу дома своего.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Шувалов

Некто по имени Никто

ПРОЛОГ

Скандинавия, 200... год. Конец лета.

Он прошел, не снижая скорости, поворот и на выходе из него еще прибавил газу. Как учили. Глянул в зеркало заднего вида – все без толку, расстояние между ним и преследователями не увеличилось, скорее даже наоборот. Машины у тех были явно не хуже, а водители – повыше его классом, а потому на личную жизнь и прочие мелкие глупости времени оставалось совсем ничего. Минут десять, в лучшем случае.

За проведенные в поле годы приходилось работать по-разному, порой достаточно жестко. Но уходить после этого он привык тихо, без лишнего шума, погонь со стрельбой, беготни по крышам и прочего ненужного героического героизма. Как правило, именно так и получалось все прошлые годы. Но не в этот раз.

Зарядил дождь, он включил дворники. Усмехнулся, ситуация почти один в один напомнила кадры из фильма его юности, определившего всю дальнейшую жизнь. Было такое

скромное черно-белое кино, если помните, без пальбы очередями по всему живому и спецэффектов, с одной единственной вялой драчкой ближе к финалу. Не помните, уверен. А персонально его тогда зацепило, вот это: «мы неизвестны, но нас узнают, нас почитают умершими, но мы живы, нас почитают обманщиками, но мы верны...». Он посмотрел картину раз десять и каждый раз, выйдя из кинотеатра, подолгу бродил в одиночку по улицам маленького южного городка, размахивая руками и что-то бормоча под нос. Примерял, так сказать, на себя личину и судьбу того невзрачного полноватого человека. Представлял, как спасает мир, как отважно прикрывает отход своих и, наконец, попадает раненым в плен. Как спокойно и чуть иронично держится на допросах, потому что точно знает: Родина помнит и обязательно придет на помощь. Боже мой, как давно это было.

Он действительно попал в разведку, так получилось. Только вот пафоса с романтикой и прочих розовых соплей там не оказалось. Да и живущую в нем самую подобную рода чепуху сдуло, как пену с кружки с пивом. Вся эта дурь ушла сразу после первой же командировки, только в глубине души, где-то на доньшке, все равно осталось это – «нас почитают, а мы все равно...». А иначе в разведке, особенно в поле, просто нельзя. Романтиков хоронят молодыми или же они быстренько во всем и сразу разочаровываются и тут же уходят куда подальше – в бизнес, например, или в бессрочный запой. Холодные прагматики, с ходу въехав, что к

чему, оседают в высоких кабинетах и оттуда уже спускают профессионалам директивы на тему, как все-таки надо жить и работать. И только те, кто сумел сохранить в себе самую малость от того «несмотря и вопреки», продолжают вкалывать как карлы за растрату в поле. Или как сейчас модно говорить, на холоде.

Прекрасно осознавая, что никто и никогда не придет на выручку в случае провала. Не раскроет отчизна объятий и не угостит экологически вкусным березовым соком без мякоти. И, тем не менее, останется при этом Родиной, предавать которую ни в коем случае не следует. Знал он тех, кто думал и поступал иначе. Никогда не стремился стать им судьей, у каждого своя правда и своя дорога в жизни. А, вот, палачом, разок сработать все-таки пришлось. Точнее, исполнителем.

Глянул на часы – пора, однако. Достал из бардачка телефон, набрал по памяти номер. Дождался соединения и тут же принялся нести какую-то чушь. Закончив блажить, набрал заветную комбинацию цифр и знаков и выбросил трубку в окно самоуничтожаться.

За все это время преследователи приблизились еще ближе и катили уже метрах в ста пятидесяти. Он сбросил скорость и, закулив, поехал себе, никуда уже не торопясь.

Вскоре остановился, потому что двигаться дальше было просто некуда. Дорогу перед ним перегородил грузовик и несколько полицейских легковушек. Ехавшие позади, тоже остановились и повторили маневр, перекрыв дорогу. На слу-

чай, если он решит продолжить игру в догонялки.

Он с медленно и печально докурил сигарету и с полным презрением к общеевропейским культурным ценностям выбросил окурок в окно. Усмехнулся, ситуация чем-то напомнила кадры из того самого фильма его юности. «Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен, мистер Лонсфилд?» - помнится, поинтересовался у главного героя пожилой унылого вида мужик, больше похожий на школьного учителя, нежели на шефа полиции. «Можете» - с легкой улыбкой ответил тот – «Прошу занести в протокол, что при аресте я не оказывал сопротивления».

Выключил мотор, вылез из машины и остановился посреди дороги. Невысокий толстенький очкарик, затравленный и донельзя испуганный. Снял очки, зачем-то протер пальцами стекла и водрузил их на прежнее место. Посмотрел на людей в полицейской форме и в штатском, наставивших на него оружие, тяжело вздохнул и поднял руки.

- Я сдаюсь! – пропищал он – Пожалуйста, не стреляйте!

Трое в штатском протиснулись между автомобилями и решительно направились к нему. Молодые рослые мужики в одинакового покроя строгих костюмах. Похожий на викинга из саг суровый блондин слева, рыжеволосый здоровяк справа и черный как ночь в шахте афро-скандинав посередине и чуть впереди остальных. Явно старший этой небольшой, но чертовски сплоченной команды.

- Ваши руки, сэр – оперным басом проговорил он, доста-

вая стальные браслеты из кармана.

- Да, сэр – пролепетал в ответ толстячок – Конечно, сэр – и послушно вытянул перед собой короткие пухлые ручонки.

Шагнул вперед и совершенно для всех неожиданно резко пробил на скачке боковым слева. Абсолютно несерьезный с виду кулачок угодил точно в челюсть блондину. Тот еле слышно хрюкнул, ноги подогнулись и брутальный поток викингов медленно и печально, осеннему листу подобно, опустился на мокрый асфальт, дернулся и затих.

Толстячок подпрыгнул как мячик и еще раз пробил, ногой на сей раз, по коленному суставу рыжеволосому. И сразу добавил ему же, согнувшемуся от боли, сверху. Со всей дури по загривку.

Бодро отскочил в сторону и, оказавшись, напротив обалдевшего от такого хамства, в считанные секунды лишившегося воинства чернокожего начальника, вlepил ему с ноги туда, откуда у того самого росли ноги.

Совершив все эти противоправные и абсолютно неполиткорректные действия, вернулся к своей машине. Принял классическую позу задержанного (ноги шире плеч, руки шире ног, голова на капоте) и стал терпеливо ждать, когда же его начнут бить.

Книга первая. Покойник, который любил вязать крючком.

- *План в принципе неплох. Когда собираетесь начинать?*
- *На следующей неделе, как только освободится тот самый, нужный вам человечек. Кстати, кто он такой?*
- *Да никто. Просто покойник.*

Глава первая. Выходной.

Пуговицы в ряд.

Скандинавия, три года спустя. Уже целых семь минут на воле.

Мой выход из узилища прошел тихо, серо и как-то даже обыденно. Ни тебе журналюг с телевизионщиками, ни оркестра с трубами и барабанами, ни трибуны с профессионально захлебывающимся от восторга дежурным трепачом. Даже ковровую дорожку постелить не сподобились. Не говоря уже о лимузине с грудастыми горячими тетками и холодным шампанским. Не прислали, вы представляете?

Никуда не торопясь, с жадностью глаза по сторонам, я прошел вдоль улочки, с наслаждением вдыхая и выдыхая умеренно загазованный воздух свободы. Как миновал велосипедную стоянку, припаркованный через дорогу не то, чтобы старый и дряхлый, просто не шибко новый, серенький, как штаны пожарного Фольксваген громко чихнул, завелся и покатил, типа незаметно, следом.

Я остановился у входа в магазинчик и принялся изучать витрину. Как следует рассмотрел заодно и то самое детище немецкого автопрома, оно как раз подъехало и притормозило в нескольких от меня шагах. И горькая, горькая усмешка пробежала по моему изможденному, изрядно округливше-

муся за годы неволи, мужественному лицу.

Как говорить, бедненько, но чистенько. Но все равно бедненько. А с другой стороны, что это я так губу-то раскатал? Мир, между прочим, еще от кризиса толком не оправился. В обожаемом отечестве тоже проблем – море разливанное. Экономят теперь буквально на всем, армию с флотом реформируют, службы разные нещадно сокращают. В том числе, и мою, родную.

Откуда, спросите, все это знаю? Так у меня в камере компьютер есть. С подключенным интернетом. Пользоваться им местные сатрапы разрешают не больше пяти раз в неделю по три часа за раз всего-то, но и этой малости вполне достаточно, чтобы, с одной стороны быть в курсе событий и не страдать от сетевой зависимости – с другой.

Так, что, и за это большое тебе, отчизна, мерси. Могли вообще прислать за мной ржавый китайский велосипед. Может, они там, в посольской резидентуре на операции уже на трамваях ездят. И вознаграждения агентам из собственного жалованья выплачивают.

Когда я вышел из магазина, водитель, истомившись в ожидании, вылез наружу и в нетерпении нарезал круги вокруг своего железного коня. Я присмотрелся и тихонько вздохнул. Да-с, не в бедности тут видно дело. Без монокля можно было прочесть на его не слишком высоком лбу под челкой, кто он, почему он и где в данный момент находится. На боевой, между прочим, операции, а не у Пронькиных на даче. Я

типа прошу, хоть не надолго, боль моя, ну и так далее... Аж распирает его, скворца, от важности и осознания собственной значимости. Раньше-то, видать, только за кофе посылали. Или за водкой.

Как быстро годы пролетели... [1] И меня, такого же зеленого, когда-то отправили на первое серьезное задание, которое я со свойственным мне блеском исполнил. Потом чисто случайно узнал, что такого было в том портфеле, что я по всем правилам, с паролями и отзывами принял от какого-то неопрятного похмельного толстяка у входа в музей палеонтологии и потом, проверяясь на каждом светофоре и теряя по миллиарду нервных клеток в секунду от волнения, доставил по адресу. Целых три полуторалитровые пластиковые «сиськи» молдавского коньяка! Правда, ручной работы и только для хороших людей. И понял заодно, почему тот жирный пьянчуга так громко ржал мне во след.

Я приблизился и остановился напротив представителя смены нашей геройской. Парень в темно-сером костюме-тройке медленно переместил темные очки с носа на лоб и замер в ожидании, бдительно меня с ног до головы оглядывая. Я, в свою очередь, снял свои окуляры, аккуратно их сложил и запустил снайперским броском в ближайшую урну. Видеть после этого, что интересно, хуже не стал.

- У вас продается славянский шкаф? – с неизвестным языкознанию акцентом выдал я. Получилось прямо как в старых добрых фильмах об ихних тупых шпионах и нашенских ге-

ройских разведчиках.

- Не понял – и глянул сверху вниз с удивлением и, не поверите, легким омерзением, как будто я только что громко пукнул. А потом спустил штанишки и уселся гадить посреди заграницы.

- Миллион извинений, коллега – я почесал затылок – Это, ... черт, как же? А, вспомнил: отличная сегодня погода, прямо как в Испании.

- Вообще-то, в Барселоне сейчас дождь – четко и раздельно произнес отзыв он – Вы очевидно Ник? – обниматься почему-то не полез. Даже руки не подал.

- Аз есмь – отозвался я. Раскрыл дверцу и залез на заднее сиденье – А под Кандагаром все равно было круче – что-то я нынче расхулиганился, не иначе пьяный воздух свободы въехал со всего размаху в голову. Как кистень какой-то.

- В каком смысле?

- Во всех сразу. Куда путь держим, дружище?

- В Стокгольм.

- Можно и в Стокгольм – не стал спорить я. Просто махнул рукой – Поехали.

Глава вторая. Ода к радости в ля минор.

- Так отпуск же через неделю – занял было я – Уже и билеты заказаны.

- Значит, будешь быстрее крутиться – отрезал тот. И пояснил – Ну, некого мне кроме тебя послать! Четверо в командировках, еще

один сегодня в ночь улетает, трое в отпусках. Не Воронцова же!

Это точно. Петя Воронцов – славный парень, любой подтвердит. Вот, только, пятый год уже действует исключительно в рамках «что прикажут» и «куда пошлют», то есть, энергично трудится на подхвате. И уверенно в этом качестве себя чувствует. В любом военном коллективе непременно встретите такого хорошего парня, что без ропота отработает в комиссии по секретному делопроизводству и сгоняет с проверкой в подчиненную часть. Блеснет чеканным строевым шагом и общей подтянутостью на строевом смотре или успешно поддержит честь родной части в лыжном кроссе. Таких ребят отличает хорошая дисциплина, ровные отношения с сослуживцами и средний рост, где то в пределах ста восьмидесяти сантиметров. Для того, чтобы в компании с такими же умельцами тащить гроб в процессе проводов. В послед-

ний путь, имеется в виду. А еще к ним хорошо относятся разных калибров начальники. Настолько, что протащив порой сразу через несколько служебных ступенек, даже делают их собственными замами. Так, что, не стоит удивляться, что лет через несколько окажешься в подчинении у такого вот Пети.

- Некрасов – робко подсказал я.

- Приболел – отрезал шеф – Жесточайший приступ радикулита. Валяется дома как бревно, чихнуть боится – добавил, поморщившись – И справка имеется.

- Ну, если еще и справка имеется – проговорил я. Наполнявшая последние дни душу радость вдруг куда-то подевалась, как будто и не было вовсе.

Сашенька Некрасов в командировки ездить любит и каждый раз искренне расстраивается, если очередной внезапный недуг не позволяют послужить Родине вне ее пределов. Особенно энергично и с блеском он отбивается от мероприятий с возможным непредсказуемым финалом.

- Да, ладно тебе – начальник, в отличие от меня, пребывал в прекрасном настроении – Там суеты на пару-тройку дней всего-то. Сработает, как всегда, и сразу обратно.

Как всегда в моем исполнении, значит, ласково и мягонько, без лишних жертв и разрушений. За все годы работы в отделе я если и нанес кому-либо ущерб во время командировок, то только моральный. А как-нибудь иначе – ни-ни-ни. То есть, никого не отправил к праотцам с праматерями

и не покалечил, хотя порой очень даже стоило бы. Даже ни одного носа не расквасил.

За подобные методы работы и слыву среди коллег и сослуживцев гуманистом, если не сказать, слюняем. А по мнению Сашеньки Некрасова по прозвищу Юный Барабанщик – так и вовсе трусом. И это мнение он при себе совсем не держит. Напротив, щедро делится им со всеми встречными и поперечными.

Именно поэтому в управлении меня величают Терминатором. Такого нежного и пухлого, ростом почти на целую голову ниже человеческого и внешностью поселившегося вблизи элеватора хомячка. И хихикают. А я, вместо того, чтобы злиться, пытаюсь кому-то что-то доказать или бегать с жалобами к руководству, охотно смеюсь над собой вместе с ними.

Пусть и дальше развлекаются, если так хочется. И никому не надо знать, где я служил до того, как оказался среди них, таких крутых и резких. И уж тем более – что мне приходилось творить на прежнем месте службы. Об этом только начальник нашего отдела немного в курсе, но он - мужик не из болтливых.

Глава третья. В старом альбоме найдут порнографию.

Машину несколько раз сильно тряхнуло. Неужто уже Родина? Глянул в окошко – точно Родина, но не моя. Слишком много бородатых мужиков, теток в хиджабах и четких темноволосых пацанчиков в кожаных куртках. Юный разведчик еле слышно выругался (не туда, видать, завернул) и прибавил газку. И это правильно, не тот райончик, в таком только трупы прятать, а не жить или даже проезжать насквозь.

Кстати о трупах. В очень похожих трущобах тогда, несколько лет назад... Впрочем, обо всем и по порядку.

Та командировка не задалась с самого начала, даже раньше. Выяснилось, что это, оказывается, было мероприятие совсем не нашего управления, а меня просто сдали в аренду как автомобиль или стиральную машину.

Поставленная при инструктаже временным руководством задача была проста как первый пункт дисциплинарного устава и, в то же время, благородна как любимая песня гаранта конституции. Некий, до ужаса талантливый российский ученый, что несколько лет назад, в самый разгар демократизации, покинул пределы отчизны, вдруг стремительно прозрел и выразил желание вернуться в родные палестины. И привезти на некогда покинутую Родину документацию по одно-

му интересному изделию. Вот, мне с напарником и поставили задачу вернуть и того, и другое. В самом крайнем случае – хотя бы второе.

«Есть» - бодро ответил я, и тут же поинтересовался, а нельзя ли совершить все эти подвиги в одиночку, как привык. «Не обсуждается» - через губу ответили мне и выразили легкое неудовольствие низким уровнем моей же дисциплины и недостаточной строевой подтянутостью.

Лихая в итоге получилась операция, с трупами, перестрелками, погонями и постоянно возникающими из ниоткуда непонятками, а, потому, дурная как довоенная шпионская пьеса. Я сыграл в ней несколько ролей. Убийцы, в том числе. В смысле, исполнителя. Выделенный мне в помощники-напарники здоровяк по имени Тим вдруг решил развернуть на много градусов сюжет. А именно: обменять изделие и/или документацию к нему, вокруг которых к тому времени поднялся изрядный шум, на много-много зеленых бумажек с портретами усопших президентов. С этой целью персонально со мной этот милый юноша надумал поступить справедливо, но по законам военного времени, то есть, с пристрастием допросить и утилизировать. По этому вопросу у нас с ним возникли некоторые разногласия, после чего наши дальнейшие пути разошлись. Он, упакованный в целлофан, остался разлагаться в стенном шкафу, а я двинулся дальше, доигрывать ту самую пьесу.

И, блин, доиграл, блин. «Неплохо было бы вызвать огонь

на себя» - тонко намекнули из Центра, я взял под козырек и принялся действовать в стиле самого настоящего «болвана», то есть, персонажа, который яркими и экстравагантными до полного идиотизма действиями привлекает к себе внимание контрразведывательных органов противника. Обеспечивая тем самым нормальную работу настоящим профессионалам, то есть, скромным незаметным людям.

Ах, какая славная вышла под занавес погоня, прямо как в том, знаковом фильме моего детства. Загородное шоссе, дождь, сумерки. Один скрывается, остальные пытаются догнать. И таки догоняют!

И, конечно же, немного импровизации в заключение, на тему «не оказывал сопротивления при аресте» и прочей лабуды для слюнявых общечеловечков. Для начала я обеспечил стационарными медицинскими услугами троих сотрудников спецслужб, а потом уже коллеги пострадавших, что называется, отвели душу.

Этими, на первый взгляд, абсолютно кретиническими действиями я сам нарисовал себе срок, целых шесть лет тюремного режима.[2] И, получив его, тут же, согласно конституции страны пребывания, уберег себя же от выдачи главному стратегическому партнеру. Еще с месяц, конечно же, приезжали оттуда ребята, разговоры разные со мной разговаривали, потом прекратили. Видать, выяснили по своим каналам, что все материалы по тому изделию уже в Москве.

Меня учили когда-то: если оказался за решеткой, не сжи-

гай нервы мыслями о воле. Старайся жить настоящим. Я и зажил.

Стойко переносил тяготы заключения. В одиночной камере с евроремонтом, чуть большей по размерам комнаты в военном общежитии, в которой обитал целый год в чине прапорщика в компании с двумя веселыми соседями. Страдая душой, пользовался интернетом, строго определенное количество часов, пять дней в неделю всего.

Скорбно поглощал богатые белками, жирами и углеводами блюда из тюремного рациона. Усиленно, чтобы не обрасти жиром, пять раз в неделю проводил по несколько часов в местном спортивном зале. Ворочал железо сам и тренировал других. Не бесплатно, между прочим. В рублях выходило где-то от трехсот до пятисот за каждый день работы. А после вычета налогов получалось гораздо меньше, что серьезно огорчало.

Два раза в неделю по часу учился управлять гневом, которого у меня и отроду-то не было.

По рекомендации штатного психолога посещал кружок рукоделия, где... где учился вязать крючком. Признался, и сразу стало легче.

Так и жил, целых три года до сегодняшнего дня. А теперь еду, вот, в компании сурьезного юного разведчика аж в Швецию, откуда доставят меня, болезного в столицу. И... и все может быть. Официально я, кстати, нахожусь в краткосрочном отпуске, который предоставляется каждому, не имею-

щему взысканий, арестанту по истечении половины срока заключения. И в дальнейшем будет на тех же условиях предоставляться один раз в месяц. Впрочем, меня это не коснется, потому что завтра я уже буду дома.

Где мной как следует займутся. А потом куда-нибудь отправят. В лучшем для меня случае - в карантин, преподавателем на какие-нибудь курсы. С перспективой год-второй-третий, а, может, до конца службы носить форму, бубнить по конспекту лекции слушателям в погонах, будущим войсковым Дж.Бондам и прочим дипломатам кабаньих троп. Сурово морща репу, принимать у них зачеты с экзаменами. А те за это станут величать меня хомяком, бурундуком или еще как-нибудь остроумно и в том же роде. Без малейшего при этом уважения. Потому что не за что.

А, может, курсы останутся светлой мечтой несбыточной. Та операция, полагаю, наделала немало шума. Хорошо, если все виновные за все уже назначены и наказаны, а если еще вакансии остались и не все вопросы закрыты? Тогда органы продолжают поиски. Везде, где можно и нельзя: на чердаке, в шкафу и даже в старом альбоме. И непременно где-нибудь какое-нибудь непотребство нароют. Тогда, не исключается, нарисуеться вполне реальная возможность на собственном опыте сравнить условия содержания в импортных ИТУ с отечественными учреждениями аналогичного назначения.

Все может быть, и невозможно заранее угадать, как встретит Родина своего верного сына. И сочтет ли она его верным

после всего, что было.

Под эти веселые мысли я допил кофе, доел пончики. Еще раз без особого успеха попробовал отравиться никотином. Полистал местную, на английском языке, недельной свежести газету. Подремал. А потом поспал.

Проснулся как от удара сразу после того, как машина остановилась.

- Приехали – сообщил, не оборачиваясь, юный военный разведчик – Перейдете через дорогу и за угол налево. Метров через сто будет летнее кафе. Вас ожидают.

- Спасибо – я, кряхтя, вылез наружу – Удачи – тот отчалил, даже не сочтя нужным ответить.

Интересно, чем это я так не понравился этому молодому человеку? Представил себя на его месте. Как бы я повел себя, поручи мне много лет назад встретить кого-то из наших на выходе из тюрьмы? Ну, не знаю. На шею бы, как матерый и закоренелый разведчик, точно не бросился и разговорами по дороге утомлять бы не стал. Но обязательно завез по дороге в ресторан и угостил бы обедом с выпивкой за свой счет. А он...

Размышления о странностях поведения молодежи и юношества продолжались до самого кафе. Вся эта ерунда выскочила из головы, как только я разглядел сидящего за столиком под полосатым зонтиком красавца мужчину из недавнего прошлого.

Глава четвёртая. Была мне нелюбимая, а стала...

Уже несколько часов на свободе.

- Думаю, обойдемся, как взрослые, без паролей-отзывов и шляпы с перышком? – я расплылся в улыбке.

- Обойдемся – кивнул, старательно излучая радость от встречи, Петенька Воронцов. Дружески потрепал меня по плечу – А ты еще шире стал.

- Стал – согласился я. Попытался было приобнять его в ответ, но товарищ из Центра ловко увернулся.

- Не стоит бросаться в глаза – покачал с легкой укоризной увенчанной шикарнейшей укладкой головой. Раньше, помнится, он стригся коротко, зато редко.

Он вообще здорово за эти три года изменился. Отраслил изрядную задницу, обзавелся симпатичным номенклатурным пузцом. Стал уделять внимание прическе. Добавил государственной серьезности во взгляде. Забронзовел, короче.

- Ну да, ну да – согласился я, наблюдая краем глаза, как милуются за соседним столом однополые средних лет лысоватые голубки. Присел за столик – Ты, кстати, кто у нас по отчеству будешь?

- Андреевич – поднял в удивлении брови – А что?

- Да то, Алибабаевич ты наш, что без отчества к тебе и обращаться-то неудобно. Поди, из майоров уже вырос?

- Третий месяц, как подполковник – с ленинской скромностью признался тот. Глянул на часы.

- Значит, мы теперь в одном звании? – обрадовался я.

- Не совсем – Петр, сын Андрейки развел руками – Пони-маешь, после того, как ты... В смысле, тебя...

- Командование сочло нецелесообразным повышать спалившегося сотрудника – догадался я – Дабы не создавать прецедентов – махнул рукой – Ну и черт бы с ним бы. Скажи-ка лучше, дружище, как вообще дела? Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?

Другой бы на его месте и ухом бы не повел, но обязательно сделал бы зарубку в памяти. А уж потом в рапорте обязательно бы отметил, мягко говоря, странную фронду вышедшего из узилища бывшего сослуживца. От которой, как известно, до полного морального перерождения – рукой подать.

Но не Петр, мальчик из приличной семьи. Он-то Бродского еще в ранней юности осилил. Как и я, грешный. А как иначе, ведь его матушка долгие годы трудилась преподавателем отечественной словесности. Как, собственно, и моя.

- Сейчас попьем вина, закусим хлебом – ответил цитатой на цитату он, наблюдая, как официант перегружает с подноса на стол заказ, два кофе, столько же бокалов с коньяком на доньшке и блюде с орешками – Ну, давай, что ли – немного взболтнул содержимое бокала, а потом принялся его нюхать.

Зачем, не пойму. Лично мне и так было видно, что коньяк экономя класса, то есть, дрянной – За свободу – и опять поинтересовался, который нынче час.

- А давай – мы слегка приподняли тару, но чокались не стали. Прямо, как на поминках.

- А выглядишь просто здорово – слегка коснувшись губами кофе, проинформировал меня свежевылупившийся подполковник Воронцов П.А. Второй раз за несколько минут – Прямо, как после санатория.

- Режим, правильное питание, регулярные занятия спортом – я единым глотком прикончил содержимое бокала. Аж все двадцать пять грамм. Поморщился – Трезвость.

- Комфортные условия проживания – продолжил он – Телевизор, интернет.

- Не все так однозначно – я сделал брови домиком – Ты забыл о пытках. Их никто не отменял.

- В смысле? – теперь уже его брови взлетели аж до макушки – Ты имеешь в виду?...

- По субботам к нам приезжали с концертами молодежные рок-группы.

- И?

- И все сидельцы в обязательном порядке должны были наслаждаться их творчеством.

- И? – упрямо повторил он.

- И после первой же баллады в их исполнении лично я предпочел бы дыбу и сапоги испанского производства.

- Все шутишь – и глянул, как строгая, но ласковая мать на неразумное дитя.

- Это от волнения – признался я – А Расскажи-ка мне лучше... – и поймал его полный сдержанной укоризны взгляд. Так дедушка Ленин посмотрел бы на Троцкого, вздумай тот выложить в интернет повестку дня закрытого заседания малого совнаркома.

- Твоя квартира до сих пор числится за тобой – помолчав, сообщил он – Коммунальные платежи вносились во время и в полном объеме – я сдержанно поклонился – Денежное содержание, насколько мне известно, по прежнему переводится на твой счет – я снова поклонился – Твой стол в кабинете...

- Да, хрен с ним, со столом и стулом – прервал список осыпавших меня благ я – Скажи лучше, меня развели?

- Развели – кивнул он, и я воздел в восторге руки над головой – Твоя бывшая, если тебе интересно, снова замужем. Уже больше двух лет, как.

- За кем, интересно? Кто тот счастливец? – глянул на сидящего напротив – Нет, не может быть! Скажи, что я ошибаюсь!

- Да, мы с Жанной оформили наши отношения – опять, черт подери, глянул на правое запястье. Раньше, насколько помнится часы он таскал на левой руке – Без обид.

- Какие обиды? – удивился я – Совет вам, да любовь – не знаю, как насчет любви, но советы ему, уверен, теперь дают-

ся каждый божий день и по всем вопросам сразу. Моя бывшая обожает постоянно держать супруга под контролем. В смысле, между каблуком и стелькой – Ты, что, куда-то торопишься?

- Нет – он покачал головой, и мне сразу стало стыдно. Какой же я все-таки тупой. Товарищ просто все это время действовал в соответствии с инструкций на тему общения: столько-то минут о погоде, столько-то потом о ... и пряниках. И уже после всего этого непринужденно, мотивированно переходить к делу. Но в соответствующей обстановке. То есть, не здесь. Вот сейчас он...

- Слушай – подполковник Петр приподнял уголки рта в улыбке – А не пойти ли нам ко мне в гостиницу? У меня там припасена бутылочка конька, не хуже этого – я закатил в восторге глаза - Выпьем, посидим.

- А пойдем, противный – согласился я – Только за кофе заплати. И на чай халдею чуток оставь. Здесь так принято.

Глава пятая. Опять скрипит потёртое седло.

- Ой, - от смеха Петечка переломился пополам – Не могу больше! Что, прямо так и сказал?
- Прямо так – хихикнул в ответ я.
- Да, от скуки вы там точно не страдали – товарищ из Центра в который уже раз посмотрел на часы.
- Не страдали – согласился я.

И тишина. Отпущенное на веселье время, судя по всему, истекло. И, слава богу, а то надоело уже натужно острить, да хихикать. Вот сейчас...

- Все это здорово, конечно, - улыбка на его лице вдруг стала ровно в два раза уже – Еще потрещим об этом за литром ее, родимой. Потом – лицо его вдруг сделалось суровым как у скульптуры колхозницы на ВДНХ, в смысле, - на ВВЦ – А сейчас давай-ка о деле.

- Давай – не стал спорить я – Приказ старшего по званию для меня закон.

- Не только, знаешь ли, по воинскому званию – покачал помудревшей головой он – Я уже почти год, как заместитель начальника нашего отдела.

- Ух, ты – восхитился я – Круто! А кто у нас с почти год начальник отдела?

- Подполковник Некрасов – прозвучало в ответ.

- Мощное кадровое решение – не смог не признать я – Теперь отдел точно даст стране угля. Под таким-то мудрым руководством.

Сашенька Некрасов всегда хотел стать большим-большим начальником. И усиленно шустрил, чтобы эта мечта стала былью. И, кстати, регулярно и вдохновенно информировал руководство обо всех событиях в отделе. Барабанил, так сказать, как заяц в цирке. С самых первых дней, как был переведен к нам. Отсюда и прозвище.

- Александр Германович – прекрасный руководитель, и у нас с ним полное взаимопонимание – сообщил Петя, и я не уловил в его голосе ни малейшего намека на фальшь.

Просто прекрасно. Тандем с собственным замом – хрустальная мечта любого руководителя. Это, для тех, кто еще не понял, когда едут вроде вместе, только один рулит, а второй, уткнувшись носом в задницу впереди сидящего, тупо крутит педали.

Нынешний муж моей бывшей жены – идеальный второй номер для любого номера первого. Беззаветно преданный, дисциплинированный и, что самое главное, с полностью и целиком, всегда и во всем согласный с дорогим руководителем. Подхватывающий на лету любую идею и даже намек на нее. По причине полнейшего отсутствия идей собственных.

Такой способен пойти далеко и высоко подняться. Аж дух захватывает при мысли о том, замом каких больших боссов

может стать хороший парень Петя Воронцов. Если... если только его нынешней, а моей бывшей супруге не попадет в зону бикини шлея. И дамочка примется требовать от супруга преодолеть наконец природную скромность и начать выходить на первые роли.

- Рад за вас обоих – заметил я – А давай еще по малой капле? За новости, за славные.

И, желательно, не чокаясь. Хана теперь отделу с такими-то шефами. Сколько раз уже на моей памяти люди, сметая все и всех на своем пути, пробивались к руководящему креслу и ... И все. Заняв это самое, руководящее кресло, занимались чем угодно, только не работой. Либо впадали в длительную эйфорию от достигнутого и начинали бессрочный банкет по поводу, либо тут же начинали строить планы следующих кадровых битв по завоеванию вышестоящих плацдармов.

- Напрасно иронизируешь – с обидой в голосе заметил он – Александр Германович, если хочешь знать, всегда тебя ценил. И сейчас ценит – заглянул во внутрь бокала и допил остатки – И верит. Кстати, наша встреча – тому подтверждение.

- Не понял – удивился я.

И это мягко сказано.

- Предстоит работа – тихо, но так проникновенно молвил Петр – Серьезная – добавил - Командовать операцией поручено мне. Так, что, соберитесь, товарищ майор. Не скрою,

привлечь вас к работе было непросто. Кое-кто там – воздел к потолку палец – Высказывал сомнения, но мы с за вас поручились.

- Спасибо – задушенным голосом проговорил я – А что за работа?

Потряс головой, налил и, не чувствуя вкуса, употребил. Ничего, блин, не понимаю. Либо за время моего отсутствия к руководству нашей конторой пришли прекраснородушные идеалисты и в дело теперь запускают без обязательной все-сторонней проверки всех подряд засветившихся сотрудников, либо разведку так зверски кастрировали, что каждый штык стал на вес золота, либо... Вот это самое третье либо я и не успел толком осмыслить, потому что в дверь номера деликатно постучали.

И очень даже напрасно. Что не успел. В смысле – обдумать.

Глава шестая. На подвиг отчизна зовёт.

- Данные о готовности господина Милютин к вербовке иностранными спецслужбами – косвенные, однако – Петр откашлялся – Однако, по имеющимся данным, его поведение в последнее время и оперативная обстановка вокруг данного господина посылают нам очевидный сигнал неблагополучия, не отреагировать на который было бы проявлением преступной халатности...

Бросил взгляд на еще одного из присутствующих. Тот поймал его на лету и закивал, да так старательно, что лично я испугался, как бы у скромного российского дипломата не отвалилась голова. Прямо здесь и сейчас.

К дипломатам в наше время относятся... Да, кто к ним только не относится. Те же числящиеся работниками иностранных представительств за рубежом рыцари плаща и кинжала, с дипломатическими паспортами в карманах элегантных пиджаков. Наличие их (документов, а не пиджаков) позволяет товарищам разведчикам избегать многих сложностей в работе. Особенно в тот сакральный момент, когда процесс ее прерывается взятием за мягкие части тела самого работника.

Вспомнить хотя бы мой горький опыт трехлетней давно-

сти. Будь у меня тогда на кармане заветная темно-синяя книжица, ничего бы мне не было. За все то, что было. Вообще ничего такого. Пожурили бы слегка, высказали прибывшему консулу дежурное «фэ», да и выпнули из страны на фиг, в смысле, на Родину в двадцать четыре часа. Радоваться жизни и шпионить дальше в свое полное удовольствие.

Самой многочисленной популяцией представителей этой почтенной профессии являются вполне себе карьерные специалисты МИДа, так называемые «чистые дипломаты», время от времени выполняющие «маленькие, но очень ответственные» поручения спецслужб. Абсолютно по разным причинам. Кого-то из них прихватили на чем-то когда-то, кто-то шустрит исключительно из карьерных соображений, а кого-то просто попросили вышестоящие товарищи. И намекнули, что в случае отказа репрессии ни в коем случае не последуют. В таких случаях обычно соглашаются сразу же. И на все.

Встречаются и те, кто вполне охотно помогает спецслужбам в нелегком шпионском ремесле. И вполне добровольно, с большой охотой освещает компетентным органам обстановку по месту собственной работы.

Третья категория настолько малочисленна, что представителей ее впору заносить в Красную книгу. Это самые чистые из «чистых», те, кто не был замечен в сотрудничестве с какими-либо спецслужбами. То есть, либо ну совсем не сотрудничал, либо делал это настолько тонко, что ни разу ни в чье

поле зрения не попал. Именно эти кристально прозрачные и честные леди и занимают посты всяких там чрезвычайных и полномочных, а также советников-посланников и просто советников. Хотя, если копнуть поглубже... Вот, только не стоит, думаю, слишком свирепствовать кайлом и лопатой, а то такого можно нарыть,...

- Решение Центра о возвращении данного господина на Родину считаю правильным и очень своевременным – не переставая кивать, высказал сокровенное собственное мнение тот. И тут же заткнулся, уловив по изогнувшейся брови товарища начальника, что лично его мнения никто не спрашивает.

Явный представитель той самой второй категории дипработников. Сотрудник посольства крохотного ранга, в упор никем из серьезных людей не замечаемый и, скажем честно, на фиг никому не нужный. Просиживающий штаны с девяти утра до шести вечера за какими-то входящими-исходящими бумажонками и расцветающий подобно цветку душистых прерий только во время выполнения заданий посольской резидентуры. Вполне возможно, еще и в Москву, шалун этакий, доносцы шлет. Сослуживцы естественно кое о чем таком догадываются, поэтому красавца этого сильно не любят и побаиваются. А он-то думает, что уважают.

- Хотите что-то добавить, Николай Николаевич? – тот готовно вскочил, расправил куриную грудку и начал.

Смешной персонаж. Лет на десять меня постарше, ро-

сточком где-то вровень со мной же или ненамного выше, толстый и щуплый. Цвета перца с солью средней растрепанности кудри, очки в металлической оправе на чуть вздернутом носике. Мощные пушистые усы, делающие его так похожим на кота Базилио из фильма моего детства.

Знаток всего на свете, и этим всем на свете готовый бескорыстно поделиться со всем миром. При встрече лично со мной сразу после «здрасте» закатил короткую, минут на семь всего лекцию о вреде клетчатки для организма. И тут же вызвался помочь подобрать диету.

За все за это я и прозвал его лектором и не просто, а лектором Базилио, сокращенно Л. Б.

- У тебя есть что добавить? – обернулся ко мне Петр.

- Откуда?- удивился я.

Не моя это операция и, если совсем начистоту, то таковой она может считаться исключительно с точки зрения большого начальника товарища Воронцова, потому что ни в чем значимом он за все годы службы поучаствовать не сподобился.

А у Л. Б. праздник на улице. Ишь, как щеки-то раздул ввиду собственной значимости. И ногами стрижет, готовый прямо сейчас рвануть в бой. Пусть только прикажут.

А так все просто и до боли понятно. Некто, делящий кабинет с Л.Б., Милютин в последнее время начал охотно посещать рестораны и бары, чего раньше за ним не наблюдалось. Причем, не в одиночку, а с какими-то иностранными

гражданами.

- А кто оплачивал счет? – лениво поинтересовался я.

- Они – после легкой, почти незаметной глазу заминки ответствовал наш герой-разведчик – Лично наблюдал. Два раза.

Ну, если иностранцы еще и за пиво платят, то дело труба. Тогда этот Милютин уже точно выдал супостату наш самый главный секрет: сколько в посольстве стульев со столами и какой свежести осетрина была подана на банкете по случаю Дня России. А что еще такого ему может быть известно, если трудится он вместе с нашим общим другом лектором в хозяйственном отделе?

- Понимаете – углядев мою еле заметную усмешку, поспешил разъяснить ситуацию тот – Он по ряду причин оказался в курсе деятельности наших спецслужб...

Ну, тогда суду все ясно. Получается, этот самый Милютин, также, как и Л.Б., исполнял кое-какие мелкие поручения нашей разведки. Вполне может быть, делал это успешнее соседа по кабинету. И тот решил избавиться от конкурента. Для начала просигнализировал в контору. А там решили соорудить из всего этого оперативное мероприятие. Вон, Петю Воронцова прислали...

В Москве потом проверяют этого самого Милютина на полиграфе и по результатам проверки либо увольят на фиг с дипломатической службы, либо... Либо не увольят, а, наоборот, в лучших традициях реабилитируют как невинно ре-

прессированного. Вполне вероятно, еще и повысят. Тогда вернется он на прежнее место работы уже начальником отдела. И очень быстро организует бдительному сослуживцу дружескую ответочку.

- Значит, - Петр окинул суровым взглядом воинство, то есть, меня с лектором – План таков: Милютин вызван в Москву под легендой необходимости прохождения обязательного собеседования в МИДе перед выдвижением на вышестоящую должность...

Насколько мне известно, завхозов повышают в должности без лишних церемоний в виде собеседований. Зато в обязательном порядке заставляют накрыть поляну вышестоящему благодетелю и просто товарищам. Чтобы меньше завидовали. Или больше.

- Николай Николаевич по легенде направляется в очередной отпуск. Поэтому он вполне мотивированно договорился с фигурантом о совместном выезде в аэропорт – пояснил персонально для меня – Серьезная экономия на такси. Вы, под видом возвращающегося из командировки российского предпринимателя, доброго знакомого Николая Николаевича, отправитесь с ними.

- И плата за такси в итоге приблизится к стоимости трамвайного билета – понятливо кивнул я.

Для тех, кто не в курсе: поездки в такси здесь до неприличия дешевы и экономить на них способны либо клинические плюшкины, либо те, кто по легенде.

- Не беспокойтесь, клиент ни о чем таком не догадается – подмигнул мне посольский Штирлиц, инициативник хренов – По дороге в аэропорт мы заскочим сюда, в отель за Петром Андреевичем, директором вашей фирмы по легенде.

Круто, а больше мы никого с собой не прихватим? – невинно поинтересовался я - Чтобы багажник заполнить якобы коллегами.

- В лобби отеля выпьем кофе – продолжил тот – Вы отвлечете его беседой, а я...

- Я – перебил докладчика Петр – Я аккуратненько добавлю ему в кофе некий препарат без вкуса и запаха.

Вот это да! Джейсон Борн и старина Бонд нервно курят в коридоре. Небось, разрабатывал эту гениальную операцию Петька лично. А его непосредственный начальник то ли в это время поправлял здоровье в ведомственной санатории, то ли... То ли просто не пожелал иметь к этому отношения.

- Ничего с этим бантиком не сделается – успокоил меня начальник – Просто немного расслабится и будет послушно исполнять все наши приказы, в смысле, пожелания.

Ну, что же, картина более или менее прояснилась. Человека, хоть и под смехотворным предлогом, надо зачем-то или для чего-то дернуть в Россию. Осторожный Сашенька Некрасов естественно от такой дури поспешил дистанцироваться, а потому предоставил полный карт-бланш собственному заму. А у того, в свою очередь, все-таки хватило мозгов в этом деле подстраховаться. Поэтому-то мне и напели пол-

ные уши о безграничной вере в меня же. Несмотря ни на что.
- Не беспокойся – игриво подмигнул Петр – Все пройдет на ура. Никто и не заметит.

Это я не заметил, как стал сам себе задавать вопросы и сам же на них отвечать. А надо было бы... Какая, впрочем, разница, что там такого было надо. Все равно не сложилось.

Глава седьмая.

Мышеловка, вид изнутри.

Дом был не ахти, подъезд изрядно загажен. И весь район, если честно, тоже так себе. Исключительно для тех, у кого разного хорошего никогда не было, или было, но давно прошло.

- Неужели в таких условиях теперь живут сотрудники посольств? – удивился я.

Прервав тем самым двадцатиминутный монолог Л.Б. на тему особенностей национальной кухни.

- Многое изменилось – пожал узкими плечами тот – В наше время принято экономить буквально на всем. Прошу вас – приоткрыл дверь в подъезд и вежливо пропустил меня вперед – Так, о чем это я? А, рассмотрим, к примеру, так называемый бифштекс из сельди...

Мы остановились у обшарпанной двери на третьем этаже. Мой напарник, не прерывая речи, достал из кармана ключи и быстренько разобрался с нижним и верхним замками. Опять пропустил меня вперед и старательно запер за нами дверь.

- Игорь Семеныч, а мы уже приехали – заголосил он – Вы готовы? - а сам тем временем вежливо, но настойчиво подталкивал меня вперед, вглубь квартиры.

- Еще как готов – ожидавший нас в гостиной, вы удиви-

тес, тот самый юный разведчик, что совсем недавно привез меня сюда, с радостной улыбкой, сжимая и разжимая кулак, подошел поближе и уставился на меня как кот на сметану.

- Не понял – обалдело произнес я.

Хотя, что уж там было непонятного. Меня просто развели как последнего придурка, заболтав предварительно всякими глупостями. Настолько, что я не смог собрать мозги в кучку и осознать старинную народную мудрость: если вокруг вас вдруг нарисовалось слишком много лохов, вполне вероятно, что на самом-то деле лох всего один. И это вы собственной персоной.

- Лови, иуда! – юный разведчик отвел руку куда-то за спину и со всего размаху зарядил мне по морд..., в смысле, по лицу.

Учебная программа отечественной консерватории [3] весьма насыщена. И чего только там не преподается. А не преподается то, что потом в практической работе не понадобится. Поэтому ее выпускники по окончании курса обучения машут кулаками и дрыгают ногами ничуть не лучше, чем до поступления в это элитарное заведение.

Мой спарринг-партнер, судя по всему, последний раз дрался тогда же, когда и первый. И без особого успеха.

Я же – человек простой, академиев не кончал. Вместо них проходил обучение на разных курсах и в учебных подразделениях. И абсолютно везде меня старательно обучали наносить вред супостату. Без оружия, в том числе. А еще мной

целых полгода занимался некий Гришанов. Известный в узких кругах не меньше, чем тот же Калашников.

Поэтому я сначала пропустил мимо себя летящего вслед за собственным кулаком бойца. Потом аккуратно прихватил его на излете, несильно ткнул пальцем в основание черепа. Развернул его лицом к третьему участнику этой дискотеки и укрылся за ним.

Очень, доложу вам, во время. Потому что за недолгое время нашей битвы титанов многое изменилось: первое, что я увидел, выглянув из-за нетвердо стоящего на ногах бойца, был ствол. То есть, пистолет с глушителем. Появившийся как по волшебству в правой рабочей руке якобы мелкого клерка посольства.

Да и не был он уже похож на клерка, и совсем не потому, что лишился очков и разжился оружием. Совсем другой человек находился в каких-то пяти шагах от меня, несчастного. Я его сразу узнал, сам когда-то, до прихода в отдел был таким же.

- Отпусти этого – указал мизинчиком левой руки на бесильно трепыхавшегося, угодившего в эту гнусную историю как кура в консоме, юного разведчика.

- И что потом? – трусливо поинтересовался я, в очередной раз робко высунув голову из подмышки служившего мне щитом прекрасного юноши. И тут же ее спрятав.

- Что будет, то и будет – прозвучало в ответ – Ничего личного, дружок, просто работа.

- Что-то не хочется – пискнул я – Может, договоримся? – ответа конечно же не последовало.

Я его и не ждал, если честно. Еле слышно вздохнул, себя несчастного жалея. А ведь действительно придется сделать так, как он сказал. Иначе тип с пистолетом просто прострелит пареньку ноги. Интересно, как долго я тогда смогу за ним прятаться?

Делать нечего. Пропищав прерывающимся от страха голосом что-то типа: «Какие у меня гарантии?», я слегка приподнял немного пришедшего в себя, принявшегося бормотать что-то вроде «Что за дела?» бойца и тут же запустил его вперед, прямиком на человека со стволом. И сам прыгнул следом в полной уверенности, что все еще может получиться. Пока этот якобы Николай Николаевич, бывший лектор будет разбираться с прилетевшей прямо к нему в объятия тушкой, я успею подобраться на дистанцию ближнего боя. А там уже...

И все-таки я недооценил его. С летящим на него юным разведчиком он разобрался быстро и элегантно: коротко шагнул в сторону и приложился рукоятью пистолета тому в висок.

Потом нереально быстро и впечатал ее же мне под сердце. Я слишком поздно уразумел, что, куда и как мне прилетит, поэтому ни заблокировать удар, ни увернуться от него просто не успел. Единственное, что мне удалось сделать, это отшатнувшись, частично смягчить его силу.

И все равно получилось очень даже не слабо. Я отлетел на несколько шагов и врезался в стену и частично по ней сполз. Там и остался, постанывая и лоя широко раскрытым ртом воздух. И было мне хреново несколько меньше, чем я всеми силами старался продемонстрировать, но все равно было.

Вот теперь начиналось самое интересное. Если этот профи (а он уж точно не любитель) правильно меня просчитает, то разводить лирику не будет, застрелит сразу. В противном случае возможны варианты. Я слабо охнул, попытался выпрямиться и не смог.

- Вот ведь как получается – с искренним сожалением в голосе проговорил тот, приблизившись и остановившись в паре метров от меня несчастного – По плану вы с этим – ткнул большим пальцем в сторону валявшегося как ветошь паренька – Должны были рассориться и поубивать друг дружку. Вы бы его застрелили, а он вас зарезал.

- Почему не наоборот? – стараясь говорить через силу, поинтересовался я.

- Разработчики исходили из того, что он моложе и как-то спортивней по виду – пояснил он.

- Да уж – с горечью молвил я – А никак нельзя...?

- Не о том речь – отмахнулся мужик со стволом. Помолчал в легкой задумчивости – Ладно, вносим изменения в сценарий. В ходе драки вас ударили ножом, а вы рефлекторно отмахнулись рукояткой пистолета. В итоге умерли все.

Засунул пистолет за пояс сзади и принялся натягивать на

лапы толстые кожаные перчатки.

- По сценарию вас, перед тем, как зарезать, как следует избили – ответил на мой невысказанный вопрос он – Так, что, извините, дружище, придется немного сделать из вас лондонского жениха, как говорят в Одессе. Потерпите, я потом зарежу вас совсем не больно. Обещаю.

Быстренько разорвал дистанцию и провел молниеносную расслабляющую «тройку» по корпусу. Уже после второго, не дошедшего до цели удара, у него слегка округлились от удивления глаза. Но пить боржоми, как говорят у нас в самом Нижнем Тагиле, было уже поздно. Я прорвался на ближнюю дистанцию и буквально приник к противнику как вампир из сказок к божьей отроковице.

Глава восьмая. Разбор полётов.

Подполковник Петр прервал забег по гостиничному номеру. Рухнул в кресло, ухватился обеими руками за голову и замер в этой интересной позе. В надежде, очевидно, что все рассказанное ему – просто наваждение. И оно прямо сейчас пройдет. Через некоторое время поднял голову и бросил в мою сторону взгляд потерпевшего. Того, что только что обнаружил отсутствие бумажника в правом внутреннем кармане. И во всех остальных тоже. Покачал головой.

- Я тебе не верю.

- И почему, интересно? – лениво поинтересовался я.

Если честно, ожидал чего-то в этом роде. Случившееся недавно как катком прошло по хрупкой психике интеллигентного мальчика из хорошей семьи. Не имеющего, к сожалению, ни намека на опыт оперативной работы. Какая жалость, что именно сейчас и здесь находится именно он, а не любой средней руки оперативник из конторы. А, может, наоборот – удача. Для меня персонально.

- А почему ты так спокоен? – налил себе воды из бутылки и принялся жадно пить, постукивая зубами о край стакана.

- Тебе станет легче – я пожал плечами – Если прямо сейчас начну прыгать по стенам или возьму, да и выброшусь в окно? Все уже случилось, Петя! Давай думать, как жить дальше.

- Ты так спокоен – он меня не услышал – А там – ткнул пальцем куда-то в сторону Северного Полюса – Лежат двое убитых российских гражданина.

- Один российский гражданин – поспешил уточнить я.

- Милютин? – вскинулся Петр.

- Хренутин! – взревел я – Ты, что, вообще меня не слушаешь? На квартире меня ожидал тот молодой самый опер, что привез сюда, в Швецию.

- Дурь какая-то – он с силой провел ладонями по лицу. Для усиления умственной деятельности, видимо – Получается, что он и Николай Николаевич...

- Послушай – говорить с потерявшим себя от сильного стресса еще трудней, чем с инвалидом счастливого детства – Я, кажется, все тебе уже рассказал и даже показал! Какой к черту Николай Николаевич?

- Бережков – упрямо мотнул головой Петр – Николай Николаевич Бережков, сотрудник хозяйственного отдела здешнего посольства и доверенное лицо нашей конторы.

- Хорошо, что не Лужков – я тоже испил водицы – А скажи мне, дружище, откуда ты знаешь, что он трудится именно в здешнем нашем посольстве?

- Ну, как... - и принялся, постепенно обретая уверенность, разъяснять мне простые правила.

О том, что секретная работа потому и секретная, что никто в ней ни черта не понимает. А, потому,...

- А, потому, мне почему-то кажется, что источник твоих

знаний о том кренделе, ныне покойном – Петр поморщился – Исключительно честное джигитское какого-то перца из конторы. Он мамой хоть поклялся, а?

- Это закрытая информация – взвился большой знаток правил конспирации подполковник Петя. Недаром же столько лет протрудился в разного рода комиссиях по секретному делопроизводству – И, вообще,...

- Это ты тонко подметил – согласился я – Насчет вообще – перебросил ему телефонную трубку – А позвони-ка ты прямо сейчас в посольство и спроси об этом Бережкове. И о Милютине заодно.

А сам достал из кармана сигару и приступил к ритуалу ошкуживания, обнюхивания и обрезания. До того, как загреть за решетки, курил я не много и не так уж часто, но всегда с большим удовольствием. А вот сейчас с сигаретами как-то не складывается. Так, может, на сигары перейти?

Петька меж тем давил на кнопки телефона, кого-то о чем-то спрашивал и переспрашивал. Бросал в ярости трубку и начинал обзвон по-новой.

- Ну, как? – я выпустил в потолок мощную струю дыма. Глянул мельком в зеркало и остался доволен. Я с сигарой это нечто.

- Вообще-то здесь не курят – сварливо заметил товарищ начальник. Принюхался – Куба?

- Коста-Рика.

- Лично я предпочитаю кубинские – он, кажется, и сам

не понимал, что несет. Потому что находился в состоянии, как бы сказать без нецензурщины... А не получается без нее, родимой!

- Алё, гараж! – я наклонился поближе и несколько раз прищелкнул пальцами перед его лицом – Ты где вообще?

- А!?! – он вскинул голову – Что?

- Поговорил с посольством?

- Дда – тихонько ответил он.

- И что тебе сказали?

- Мне? – удивился Петя.

Бац! В некоторых случаях хорошая оплеуха – не оскорбление действием, а радикальное терапевтическое средство. Помогает, знаете ли, некоторым, в прострацию впавшим. И мальчику Пете помогло.

- Что ты себе позволяешь? – буквально взвился он.

- Уже ничего - медовым голосом ответил я – Так что все-таки тебе сказали?

- Мне сказали – кажется, он собрался заплакать, - Что никакой Бережков Н.Н. у них не работает.

- И не работал?

- И не работал – подтвердил несчастный. Зарылся лицом в ладони и замер.

- Ну-ну, успокойся – я потрепал его по затылку и принялся вытирать измазанную гелем ладонь бумажной салфеткой – А что сказали о Милютине?

- Он действительно числился в штате, но три года назад

был переведен в Уганду.

Глава девятая. Ты вахты до срока не смеешь бросать...

- Значит – разведчик Петр бдительно сощурился и стал очень похож на мудрого чекиста из послевоенного кино, того, что на раз-два раскалывает ихнего тупого шпиона – Этот самый Николай Николаевич...

- Хренелай Хренелаевич – поморщился я – Усопшего звали совсем иначе. По повадкам, кстати, - явно бывший наш кадр. Или соседский. Сколько еще повторять?

- Ну, да – хмыкнул тот – Суперпрофессионал.

- Просто профессионал.

- Тогда объясни, друг любезный – вкрадчивым голосом проговорил он – Как тогда тебе удалось с ним справиться?

- Просто повезло – буркнул я – Такое бывает.

Если Петр раньше не знал подробности моей славной биографии, ни к чему сейчас перегружать его хрупкую психику лишними подробностями.

То, что за время нашей, совместной с ним службы я не блистал навыками рукопашного боя, совсем не значит, что у меня их нет. Есть и очень даже неплохие. Один полугодовой курс у Гришанова чего стоит. Того, что не имеет привычки гнать, образно выражаясь, ширпотреб, зато ставит каждому ученику свою индивидуальную манеру боя.

Но и даже без этого кое-какие шансы у меня имелись. Скажите, вам когда-нибудь доводилось подраться с приличного уровня штангистом? Сердечно поздравляю, если нет. Потому что мы хоть и выглядим со стороны не особо эстетично и зачастую производим впечатление медлительных увальней, на самом деле таковыми совсем не являемся. Для того, чтобы поднять над головой штангу в пару раз тяжелее собственного веса, необходимы и скорость, и резкость, и даже гибкость. Так что, под кулак нам лучше не попадаться.

Почему я, говоря о штангистах, употребляю местоимения «мы», «нас», «нам» и прочие? Да потому что сам отдал этому виду спорта добрый десяток не самых худших лет своей жизни. Достаточно неплохо выглядел по молодежи в стране и Европе. Подавал неплохие надежды и как мог их оправдывал. И, можно сказать, почти уже вступил на широкую дорогу, ведущую к счастью, широкой известности, высоким наградам и серьезным травмам. Не сложилось. Потом как-нибудь расскажу об этом.

А покойник, между прочим, руками-ногами махать умел. Использовал, что интересно, наработанные до автоматизма приемы отечественного рукопашного боя (того, что не для спортсменов) и крав-маги. Все равно не прокатило.

- Смотри сюда – я нажал несколько кнопок на трофейном телефоне – Это тот самый как бы Николай Николаевич, уже в виде тушки.

- А что у него с глазом?– содрогнулся Петя.

- Неудачно упал – лаконично ответил я – Больше ничего интересного не заметил?

- А где же усы? – присмотрелся и выдал тот – И шевелюра?

- Отвалились – на экране появилось следующее фото документа коротко стриженного и безусого персонажа – Это его израильский паспорт на имя Алекса Янтовски.

- Настоящий?

- Думаю, да. Насколько мне известно, подделывать документы этой страны не модно и себе дороже – я снова щелкнул кнопкой – А это его же румынский паспорт на имя Андрея Така.

- Фальшивый?

- Почему? – удивился я – Тоже, самый, что ни на есть, уверен, настоящий. Такими в Бухаресте чуть ли с лотков торгуют. Пять сотен евро за штуку, оптом – скидка.

- Откуда ты все это знаешь? – удивился подполковник.

- Опять не о том говорим – отмахнулся я.

- А о чем надо говорить?

- Да, о том, Петя, друг сердечный, что если бы тот самый фальшивый дядя Коля меня порешил, обязательно заглянул бы к тебе сюда. Угадай зачем?

- Зачем? – прозвучало как-то жалко. Видимо, до бедняги что-то начало доезжать.

- Чтобы закрыть вопрос с тобой – пояснил я – От всей этой, с позволения сказать, операцией очень нехорошо пахнет. В таких случаях принято во избежание последующей во-

ни до минимума сокращать число действующих лиц.

Он подпер мудрую голову кулаком и задумался, прямо как тот мужик со скульптуры Родена. Поднял голову, я глянул и прямо обалдел. На меня смотрел матерый спец и стальной командарм в одном флаконе.

- Вот, значит, как – изрек он – Понятненько.

- Что тебе понятно? – полюбопытствовал я.

- Да то – немного свысока, как мощный, можно сказать, закоренелый опер, зеленому новичку пояснил он – Кто-то в Центре допустил большую ошибку при планировании операции. А, может, ... - и сурово насупил брови.

- Разве не ты ее планировал? – тут же задал вопрос я. Пока он не пришел в себя, кое-что можно разузнать.

Так оно и вышло.

- Это была операция даже не нашего управления. Меня просто взяли в аренду.

- Кто?

- Это закрытая информация – Петя немного пришел в себя и вспомнил о приказах и инструкциях.

- Дай-ка сюда телефон – он протянул руку – Ну!

- Зачем?

- Эти фото - серьезные улики. Их-то мы сразу по возвращении и предъявим. Не бойсь, дружище, в конторе разберутся.

- Охо-хо – я загрустил.

И так мне горько стало. Жил себе, служил себе. Послали

накануне отпуска в простенькую командировку. Все пошло как-то не так. Все равно сработал и оказался на нарах. А теперь меня видите ли собираются порешить. Кто, интересно, и за что?

Подполковник Петя, меж тем, ощутил прилив сил. Вско-чил на добра коня и выхватил шашку из ножен.

- Решено! – заголосил он – Прямо сейчас едем в аэропорт. Постараемся улететь более ранним рейсом. Выйди, я буду докладывать о ЧП в Москву!

- Щас – буркнул я. Выхватил у него служебный телефон, быстренько его разобрал, извлек СИМ-карту и отправил в свободный полет через форточку.

- Что...? – обалдел от такой наглости товарищ подполковник.

- Петя – я присел рядом и слегка приобнял его за плечи – Считай, что нам обоим сегодня сильно повезло – глянул в его ясны очи – Почему, спрашиваешь? Да потому что нас с тобой хотели убить, сначала меня, а следом и тебя. Постарайся это понять.

- А зачем? – голос у него дрогнул, видимо, только что краешком мозга уразумел что в разведке иногда все не так, как в плохих книгах и остросюжетных кинофильмах, по ним поставленным. Порой все происходит совсем как в хороших книгах, которые никто не читает, потому что скучно – Я не понимаю.

- Я тоже ни хрена не понимаю, дружище – сознался я –

Одно приятно.

- Что?

- То, что мы до сих пор живы. И вполне можем ими остаться, если поведем себя правильно.

- То есть? – заинтересовался разведчик Петр – Мы должны все правильно доложить в службе внутренних дознаний?

- Нет – вздохнул я – Не так. Во-первых, никаких контактов со всякими там службами. Во-вторых, сразу по возвращении докладываешь тем, кто тебя послал, что ни я, ни Николай Николаевич, ни этот Милютин в оговоренное время на встречу с тобой не прибыли. Ты прождал сколько в таких случаях положено и убыл назад, на Родину. Все. Все остальное забудь как кошмарный сон и никогда не вспоминай.

- Тогда получается – у Пети видимо наступило просветление – Уже я...

- Ты ни о чем не знаешь – продолжил мысль я – Ни к чему не причастен, обо всем сразу не в курсе. Получишь свой выговор и отправишься служить дальше.

- А что будешь делать ты?

- А я пошел.

- Куда? – вскинул брови товарищ начальник и глянул если не орлом, то соколом – Куда это ты собрался?

- Туда – Я ткнул большим пальцем себе за спину – Где море огней. С тоскою своей.

- Не понял.

- Объясняю – я вежливо поклонился и двинулся к дверям

– Я вообще-то ЗК в краткосрочном отпуске. А куда, по-твоему, должен стремиться в отпуске ЗК? – и сам же на свой вопрос ответил – Туда, где много спиртного и не обремененных излишней моралью дамочек.

- Нет! – рванулся ко мне – Ты никуда не уйдешь! – И тут же попытался провести прием под названием «залом руки за спину с последующим отконвоированием». В сторону отчизны, очевидно.

Отлетел к дивану, присел на краешек и вдруг стал ужасно похож на мальчика, которого легкомысленная, ушедшая с головой в шопинг, мамаша потеряла в универмаге.

- Скажи, что мне делать? – буквально прорыдал он.

- Тебе? – внимательно всмотрелся в искаженные горем черты.

На секунду даже подумалось, а не игра ли это. Нет, не игра. Чтобы такое с такой достоверностью изобразить, надо быть классным актером или ну, очень приличного уровня опером. А Петя у нас не тот и не другой. Хрен бы иначе его взяла в мужья моя бывшая и его нынешняя. Жанна – настоящая офицерская жена, та, что с удовольствием занимается домом, детьми и направляет стальной рукой по жизни и службе наивного простака, которому повезло стать ее суженым и ряженым. Со мной у нее вышла промашка как у того Акеллы из мультика, второй раз, уверен, все идет строго по плану.

- Ты действительно хочешь знать, что тебе делать?

- Да – он поднял голову и посмотрел с надеждой. Показалось, что на глазах у него слезы – Да, конечно.

- Как вернешься в Москву, сразу езжай домой и расскажи все жене. Уж она-то разберется, что к чему.

- Думаешь? – с надеждой спросил он.

- Уверен – сказал, как отрезал я.

Вышел и закрыл за собой дверь. Судя по раздавшимся из-за двери звукам, сразу после моего ухода отважный разведчик Петр навзрыд заплакал. Точнее сказать, зарыдал в голос.

Глава десятая. Под крышу дома своего.

Дисциплина прежде всего. За полтора часа до окончания законного отпуска я предстал пред светлыми, близорукими очами старшего надзирателя по имени Свен, любящего, чтобы к нему обращались по фамилии. И не забывали произнести при этом волшебное слово «начальник».

- Как прошел отпуск, Ник? – с вальяжностью большого босса поинтересовался тот. И тут же, в знак того, что все мы, зеки и вохра – одна большая дружная семья, соизволил отпустить шутку. Чисто по-товарищески – Надеюсь, будет, о чем вспоминать?

- Ничего такого яркого, начальник Сёренсен – отрапортовал я, старательно дыша в сторону – Но в целом неплохо.

Полагаю, даже уверен, его длинный угреватый нос все-таки учуял исходящий от меня запашок выпитого вчера, а также пивка, которым я поправлял здоровье сегодня. И, конечно же, тонкий аромат французских, произведенных вне исторической родины духов, которыми так любят пользоваться милые, готовые на все труженицы с почасовой оплатой.

Не дожидаясь команды, расстегнул молнию на сумке и вытащил все из карманов. Досмотр вернувшегося из города, са-

ми понимаете, дело святое.

- Какая прелесть! – он извлек из сумки игрушку, фигурку рыцаря, в доспехах и при оружии. Совсем маленькую, чуть больше спичечного коробка. Произведенную явно не в Китае.

- Это вам, начальник, Сёренсен.

- Ну, что вы, Ник – слегка нахмурил брови тот – Не положено – и опустил ее в нагрудный карман рубашки.

Вся тюрьма знает, что мзду этот деятель не берет, не стоит и пытаться. А, вот, на мелкие сувениры, например, такие вот фигурки, made желательно не в China, падок, потому что собирает их с раннего детства, когда, небось, мечтал стать Суперменем, а не вертухаем. Не вымогает их, естественно, но и не отказывается, слегка пококетничав, принять. И никогда не забывает мелко подгадить тем, кто, в свою очередь, считает в падлу принести из города что-нибудь ему в коллекцию. Долго потом эти несчастные ждут следующего выхода в отпуск.

- А это что? – подбросил и ловко поймал узкую картонную коробку с логотипом «ADDI». Раскрыл ее, заглянул вовнутрь и удовлетворенно кивнул – Не возбраняется.

- Большое спасибо, начальник Сёренсен – изобразил широкую, от уха до уха улыбку я – Разрешите идти?

Тот милостиво кивнул. Я четко, через левое плечо развернулся и...

- Ник.

- Да, начальник Сёренсен?

- Рад, что вы твердо встали на путь исправления – еле заметно глазу улыбнулся мне в ответ – Идите, друг мой.

И я пошел, усталый, но в целом довольный. Ближе к вечеру достал из комода моток ниток и раскрыл картонную коробку. Ту самую, с логотипом «ADDI». Повертел перед глазами пластмассовый крючок для вязания, улыбнулся и взялся за работу.

Я купил его за час до возвращения в торговом центре напротив бара, где заправлялся пивом на дорожку. А тот, что приобрел два дня назад, сразу после выходы из тюрьмы и до посадки а авто, был кевларовый, кстати, той же самой фирмы. Я оставил его в Швеции, в квартире, где меня пытались отправить на тот свет в соответствии с каким-то там планом. Совершенно, по моему глубокому мнению, идиотским.

И, тем не менее, особо нарушать его я не стал, Просто внес некоторые изменения. Во-первых, вместо запланированного в качестве покойника себя, оставил там собственного несостоявшегося убийцу, фальшивого Николая Николаевича. И не зарезанного, а заколотого. Я вогнал ему тот самый крючок для вязания в мозг через глаз. Быстренько осмотрел поле битвы, прикарманил кое-что на правах победителя и был таков.

И, конечно же, как законопослушный гражданин, вскоре позвонил в полицию, настучал, в смысле, сообщил о шуме и криках в квартире номер... Стук нынче в моде.

Уверен, увиденное на месте происшествия серьезно обогатит историю здешней криминалистики. Представьте себе дуэль с обоюдным смертельным исходом между сотрудником российского посольства Vladimir I. Barchan и неизвестным (документы своего незадачливого спарринг-партнера я унес и утопил в общественной уборной автовокзала), в ходе которой один противник нанес другому смертельную рану рукоятью пистолета в висок. А тот в ответ загнал своему убийце вязальный крючок в глаз. В итоге погибли оба.

Как все-таки хорошо дома! В ставшей за эти годы родной одиночной камере 21-G, где чисто, скромно и привычно, а, что самое главное, никто не будет меня ни убивать, ни разводить как последнего лоха на тему «Родина верит, Родина ждет». Вот оно какое, простое человеческое счастье.

Я бодро орудовал крючком, старательно, шевеля губами, считая петли. Тут главное не сбиться, иначе вся работа пойдет насмарку. Зато если все получится как задумано, салфетка выйдет просто на загляденье. Я подарю ее надзирательнице нашего блока фру Ротерсен. У молодящейся старушенции ростом под потолок и плечами шириной с Ла-Манш, большой поклоннице бодибилдинга, скоро день рождения. Полагаю, ей это будет приятно.

И мне, если честно, очень даже в радость. За эти годы я полюбил вязать.

- Ну-с, как все прошло? Начинайте хвастаться.

- Понимаете,...

- Начало уже не нравится. Однако, продолжайте.

- Прибывший по анонимному телефонному звонку наряд полиции обнаружил в той самой квартире два трупа: офицера резидентуры и...

- И почему-то не нашего, догадываюсь, покойника.

Грустно, дружище, очень грустно.

- Виноват – поморщился, исключительно в мыслях. Вообще-то, по правилам ему должна была быть предоставлена подробная информация о том самом кандидате в покойники. Но игра видно пошла совсем без правил.

- Ладно – вышестоящий товарищ милостиво соизволил взять на себя часть вины за провал. Не самую большую – Я тоже хорош. Скажите лучше, этот второй...

- Наемник, до этого случая работал без ошибок.

- Кто такой?

- Бывший наш кадр.

- В смысле?

- Выходец из Союза. Служил опером во Втором Главке КГБ СССР. В конце восьмидесятых уволился со службы и непонятно, как смог выехать на ПМЖ в Израиль. Несколько лет отслужил в тамошнем Шабаке, потом покинул

службу и принялся работать на себя.

- И такого, понимаешь, волчару сподобился уделать наш покойник. Однако.

-Так точно – универсальная фраза на все случаи жизни. Очень нравится руководству – В следующий раз...

- Уж постарайтесь. Кстати, когда это будет?

- В следующем месяце – хотел было извиниться за невольную тавтологию, но не стал.

Начальство, как известно, не одобряет шибко умных подчиненных.

- Действуйте.

- Есть.

- И это, постарайтесь ему объяснить, что произошло недоразумение и ему больше нечего опасаться.

- Будет исполнено.

- Едва не забыл, а что с тем подполковником, который как бы руководил операцией?

- Вопрос с ним закрыт.

- Что вы хотите этим сказать?

- В Москве с ним проведена беседа. Товарищ все понял правильно.

- Профилактические меры в отношении его приняты?

- Так точно. Подполковник переведен

на вышестоящую должность в аппарат
военного атташе в США.

- А вот это мудро. Одобряю. Ладно, продолжаем
работу по нашему покойнику. Вопрос с ним
должен быть закрыт. Обязательно

- Даже не сомневайтесь.

Р. S. Через пару недель меня навестили. Впервые за все
эти годы. Симпатичная, средней потертости дамочка на ло-
маном английском сообщила мне, что я душка и она безум-
но по мне скучает. И кроме нее еще кое-кто испытывает ана-
логичные чувства. И этот кое-кто передает, что все недавно
произошедшее в Швеции – не более, чем ошибка и недора-
зумение. Рабочий момент, в общем. На самом деле все меня
страстно любят и с нетерпением ожидают. Отбарабанила как
скворец все это и ушла, не попрощавшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.